

Отзыв официального оппонента
о диссертации Давыдовой Ирины Константиновны
«Вещный мир в творчестве Н. С. Лескова»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – Русская литература

Философами XX века вещный мир, окружающий человека, проблематизируется и в субстанциональном, и в функциональном аспектах, в контекстах дихотомий природного/человеческого, живого/неживого, культурного/цивилизационного. Однако при изучении литературы XIX века образы вещей нередко остаются за рамками исследований, что во многом обусловлено иллюзией схожести описываемого мира с современным. Этим обусловлена **актуальность** диссертации И. К. Давыдовой, посвященной анализу вещного мира в двух циклах произведений Н. С. Лескова – «Святочных рассказах» и «Рассказах кстати». Автор исследования рассматривает все выделяемые вещи одновременно в нескольких аспектах – с жанровой точки зрения, в рамках хронотопа рассказов, в ракурсе локального текста, в контексте художественного мировидения писателя, а также соответствующей литературной традиции. Поэтому **новизна** представленной диссертации определяется не только выбором предмета и объекта исследования, но и его комплексным характером.

Предмет, объект, цель и задачи исследования представляются корректно сформулированными и отражающими основное содержание работы. Особо стоит отметить выбор методологических принципов исследования, среди которых в том числе названы историзм, объективность, комплексность и системность, а также широкий спектр используемых методов, как социокультурных и исторических, так и собственно филологических.

Поставив цель «раскрыть содержание и охарактеризовать поэтику образа вещного мира», И. К. Давыдова привлекает к анализу не только два названных цикла, но и другие произведения Лескова, как схожие по жанру (в частности, святочные рассказы, традиционно к одноименному циклу не относящиеся), так и его романы и повести, а также более широкий историко-литературный контекст – произведения Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. И. Куприна, что, несомненно, делает исследование более многогранным.

Диссертация имеет продуманную и логичную структуру, которая отвечает поставленным цели и задачам. В первой главе рассматривается мир вещей в святочных рассказах Н. С. Лескова. В первом параграфе автор работы выделяет группы «бессловных» вещей, маркеров социокультурного пространства, вещных социокультурных символов, а также авторских вещных символов. Наибольший интерес здесь, с нашей точки зрения, представляет анализ словесных примет социокультурного пространства эпохи. Например, значимой деталью рассказа «Зверь» становится синий шелковый архалук – диссертант обращает особое внимание на то, что этот элемент одежды является типичным для дворянского сословия. В то же время в этой части работы отсутствуют ссылки на словари XIX века, которые позволили бы расширить эти представления. Так, согласно словарю А. Д. Михельсона, «Архалук – род стеганого кафтана, застегивающегося крючками, который носят на Кавказе горные народы» (*Михельсон А. Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1865. С. 65*), а по «словотолкователю» И. Ф. Бурдона, «Архалук – азиатское короткое домашнее платье» (*Бурдон И. Ф. Словотолкователь 30000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с означением их корней. М., 1865. С. 71*). Архалук вошел в русский обиход еще в 1810-е годы, а к середине XIX века этим словом стали обозначать уже любой полосатый халат (подробнее см.: *Кирсанова Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века. М., 1989. С. 27–28*). Думается,

привлечение материала словарей и энциклопедических изданий XIX века позволило бы И. К. Давыдовой не только сделать выводы о сословной принадлежности, но и более подробно проанализировать портретную составляющую образа лесковского героя. Возможно, существуют и литературные параллели – обладателями архалуков (и не всегда под этим словом подразумевалась домашняя одежда) были герои Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, И. И. Панаева, А. Ф. Писемского и других авторов? Аналогичным образом могло бы быть расширено, в том числе, и рассмотрение деталей образа нигилиста, и таких элементов одежды, как свитка или «блинообразная фуражка».

Несомненно интересным в данной части работы представляется вывод о том, что при изображении духовенства в святочных рассказах Лесков оперирует скорее образами «подразумеваемых» вещей, которые возникают в сознании читателя благодаря ассоциациям, а не детализированным описаниям, как в «Мелочах архиерейской жизни». Анализируя далее авторские вещные образы-символы, автор диссертации сосредотачивает свое внимание на образах жемчужного ожерелья и неразменного рубля, которые стали структурообразующими в одноименных рассказах, задали их «смысловой ориентир».

Во втором параграфе первой главы рассматривается вещный мир рождественско-святочного хронотопа. К характерному для рождественской прозы пограничному хронотопу отсылают образы двери и порога, к мотиву путешествия – различные дорожные аксессуары, мотивам сна и беседы – соответствующие элементы интерьера и быта. Однако, несмотря на жанровую однородность рассматриваемых произведений, ни один из вещных образов не становится сквозным, лейтмотивным. Почему так происходит? И позволяет ли анализ вещного мира в «святочных» рассказах Н. С. Лескова говорить о них как о цикле? Выделение «святочных рассказов» писателя как отдельного цикла – неоднозначно решаемая в лесковиане проблема. И. К. Давыдова отмечает, что в этих произведениях реализуются «два

характерных для писателя подхода к изображению действительности: бытописание и символизация» (с. 90) – значит, образ вещного мира также нельзя назвать циклообразующим?

Вторая глава посвящена вещному миру цикла «Рассказы кстати». Если «святочные рассказы» Н. С. Лескова изучались достаточно подробно, то поздним произведениям писателя, как справедливо отмечает автор диссертации, посвящено значительно меньшее число исследований.

В первом параграфе второй главы вещный образ художественного мира анализируется через призму усадебного и дачного локальных текстов русской литературы. В качестве примет усадебного быта в «рассказах кстати» выделяются изделия из атласной ткани, халат, портрет, колокольчик и пр. Важным представляется нам замечание о том, что «образ вещного мира создается лаконичными средствами: упоминания вещей, небольшие описания – своего рода “штрихи”, ассоциативные образы <...>» (с. 109). Эта особенность творческой манеры Н. С. Лескова отвечает малой повествовательной форме и вполне может быть осмыслена как один из жанрообразующих элементов для «рассказа à propos». Мельчайший анализ автором диссертации социокультурных символов, например, колокольчика, позволяет сделать вывод о том, что «образы вещей и их использование героем выявляют нетипичность личности персонажа» (с. 113). В качестве признаков дачного текста указываются «ощущение временности» и внесловный характер отношений. Не оспаривая сделанных автором диссертации выводов, обратим внимание на одно заключение. Анализируя рассказ «Совместители», И. К. Давыдова замечает, что вещными образами, характеризующими дачную жизнь персонажа, становятся «книга» и «скрипка». В то же время и книга, и скрипка – знаковые образы, важные в художественном мире, например, хроники Н. С. Лескова «Захудалый род», где нет оснований говорить о дачном тексте. Можно ли предположить, что ряд вещных образов усадебного и дачного текстов будет общим? Какими

художественными механизмами определяется отнесение вещи к тому или иному локальному тексту и ее интерпретация в рамках этого текста?

Во втором параграфе второй главы И. К. Давыдова обращается к исследованию культуры повседневности и характеризует вещный мир армейской, монастырской и больничной среды. Несомненно, повседневный быт этих сословных групп русского общества XIX века не часто оказывался в поле зрения литераторов, и еще меньше привлекал внимание исследователей. Важно и то, что лесковское видение повседневности этих групп осмысливается не в изоляции, а в сопоставлении с другими схожими по тематике текстами русской литературы. С помощью вещных образов писатель как формирует общее восприятие «провинциальной повседневной жизни как заурядной, рутинной, серой» (с. 163), так и вводит нетипичные ситуации (в работе проанализированы с этой точки зрения медальон погибшего юного офицера в рассказе «Интересные мужчины», пароход-храм в рассказе «Таинственные предвестия»).

Все сделанные замечания носят рекомендательный характер и не влияют на высокую оценку актуальности, новизны и научной значимости диссертационного исследования.

Практическая значимость диссертации И. К. Давыдовой состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при дальнейшем изучении публицистических и художественных текстов Н. С. Лескова и русской литературы XIX века, в исследованиях, посвященных отражению в литературе культуры повседневности, а также в практике преподавания курса истории русской литературы.

Работа И. К. Давыдовой прошла солидную апробацию: диссертант выступил с докладами на семи научных конференциях как в России, так и за рубежом; по теме диссертации опубликовано 14 научных статей, из которых восемь включены в перечень ВАК. Материалы статей отражают основные положения диссертационного исследования.

Автореферат содержит основные положения диссертации и соответствует ее структуре.

В целом диссертация И. К. Давыдовой «Вещный мир в творчестве Н. С. Лескова» является завершенным исследованием и в полной мере отвечает необходимым квалификационным признакам, определенным пунктами 9–14 Положения о присуждении ученых степеней (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 – с изменениями, внесенными Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 мая 2020 г. № 751). Автор работы, Ирина Константиновна Давыдова, несомненно заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Официальный оппонент –
кандидат филологических наук по специальности
10.01.01 – Русская литература
научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

О. В. Макаревич

Ольга Владимировна Макаревич
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Тел.: (812) 328-19-01
E-mail: philologolga@gmail.com
25.02.2021

